

- Брат Цзян, хочу заказать восемь корзин персиков долголетия к завтрашнему обеду, - сказал заказчик. - Сможешь?

- Конечно, заберешь сам утром! - ответил Цзян Мяо.

- Вот задаток, держи. Завтра пришлю человека с распиской за ними.

- Ладно, береги расписку, - предупредил Цзян Мяо. - Я верю бумаге, а не людям!

Он заранее уточнил, чтобы не вышло путаницы: его люди возьмут одну партию, а кто-то другой явится с распиской за другой.

- Не переживай, знаю твои правила, - кивнул заказчик, спрятал расписку, что дал ему Цзян Мяо, и поспешил прочь.

Цзян Мяо взвесил монеты в руке, подхватил корзину и пошел за продуктами.

С тех пор как Чжао Син разрекламировал его несколько дней назад, заказы сыпались один за другим. Не сказать, что много, но доход был знатный - куда больше, чем от лотка. В этом мире, похоже, все решала внешность: даже красивые булочки шли дороже.

Подумав о внешности, Цзян Мяо вдруг вспомнил самое красивое лицо, что видел тут. Тихо выругался - то ли себя, то ли того господина Пэя.

Собрав все нужное, он вернулся во двор.

- Малыш Цзян, ты дома! - окликнула его бабушка Лю, полоскавшая овощи во дворе.

- Бабушка Лю, почти полдень, а вы Ицзе в школу не отправили? - спросил Цзян Мяо, заметив светлогожего мальчугана, что сидел у ворот с книгой.

Раньше, когда он возвращался с лотка, бабушка Лю уже отводила внука в частную школу. А сегодня время шло к обеду, а тот все еще был дома.

- Учитель его опять по делам умотал, - с досадой ответила бабушка Лю. - Жена его велела детям домой идти, самим повторять уроки!

- Опять ушел? - удивился Цзян Мяо. - Он же в этом месяце и так не раз пропадал.

За неполный месяц тут он уже слышал о таких отлучках не раз. Здешним школьникам несладко жилось: выходных, как в его время, у них не было, кроме первого и пятнадцатого числа каждого месяца они почти каждый день учились.

Бабушка Лю, разговорившись, дала волю жалобам:

- Вот именно! Платим пятьсот вэней в месяц! Почти двадцать вэней за день, а учитель этот трижды пропал - легко пятьдесят-шестьдесят вэней на халяву! Не будь эта школа ближайшей да знакомой всем вокруг, давно бы перевела Ицзе в другую!

- Да, вчера мой Цзиньюй вернулся и то же сказал, - подхватила тетушка Бай, выйдя за водой и услышав их. - Этот мастер Лян толком не учит. Заставляет каждый день одну строку зубрить. Полмесяца назад было "небо, земля, человек", и до сих пор на этом!

Ее старший сын, Вэнью, учился в академии подальше, где учителя были посерьезнее.

- Почему бы вам не пойти в их школу да не пожаловаться? - предложил Цзян Мяо. - Пусть бы кто присмотрел за ним.

Но бабушка Лю и тетушка Бай глянули на него странно.

- Жена этого Ляна - та еще фурия, - пояснила тетушка Бай. - Кто к ней с жалобой сунется, тот огребет по полной. Ей на мужа плевать, она, может, еще и рада втихаря!

Цзян Мяо понял свою ошибку. Он применил к древности свои школьные понятия, думая, что тут есть директора и прочее. А оказалось, эти мелкие школы по улицам держал один человек - ни тебе начальства, ни учителей в привычном смысле.

- Тогда смените школу, - сказал он. - Это ж детей обманывать!

Среда решает многое. Не зря в его время элитные школы стоили бешеных денег - все из-за условий и учителей.

- Верно говоришь, - решила бабушка Лю. - Дотянем этот месяц, а в следующем году Ицзе туда не пойдет!

- И я так же, - поддакнула тетушка Бай. - Лучше подальше пройти, чем медяки и время тратить зря. Вечером спрошу у Вэнью, берут ли в академию семилеток-восемилеток.

- Брат! - из дома выбежал мальчонка.

Бабушка Лю и тетушка Бай знали, что Цзян Мяо привел ребенка недавно, но внимания не обращали. А тут он крикнул, и обе уставились, смутив малыша. Тот юркнул за спину Цзян Мяо.

- Тетушки, это мой младший брат, Цзян Лэй, прозвище Сяо Шитоу, - представил его Цзян Мяо, вытаскивая из-за спины. - Он стеснительный, наружу редко ходит. Не бойся, это бабушка Лю и тетушка Бай. Поздоровайся.

- Здравствуйте, бабушка Лю. Здравствуйте, тетушка Бай, - тихо сказал Сяо Шитоу.

Личико у него было худенькое, глаза оттого казались огромными. Женщины глянули в его влажные глазенки и растрогались.

- Сколько лет этому малышу? - спросила бабушка Лю.

- Шесть, - ответил Цзян Мяо. - После Нового года семь будет.

- В следующем году и его в школу можно, - сказала бабушка Лю. - Поверь, хорошо, если ребенок пару иероглифов знает. Нынче работники всем нужны грамотные!

Она гордилась, что в семье был ученый.

- Пошлю его, - кивнул Цзян Мяо. - Попрошу Цзинъюя и Ицзе приглядеть. Втроем их не обидят.

Он потрепал Сяо Шитоу по голове. Для него все дети должны были учиться - не ради чинов или богатства, а чтобы понять мир, не дожидаясь, пока жизнь сама научит.

- Точно! - подхватила бабушка Лю. - Из нашего двора вместе пойдут, никто не посмеет тронуть.

С двумя товарищами для внука она смелее решилась на другую школу.

Вернувшись с корзиной домой, Цзян Мяо принялся готовить. Сяо Шитоу сидел у печки, подкладывая дрова и то и дело поглядывал на брата, словно хотел спросить, но не решался.

Наконец выдавил:

- Брат...

- Что такое? - отозвался Цзян Мяо.

- Брат, ты правда... пошлешь меня в школу? - Сяо Шитоу собрался с духом, но тут же опустил голову, боясь укора.

Он слышал о тех, кто учился за деревней. Родители ворчали, что такие семьи зря деньги тратили: зачем крестьянскому парню грамота? Лучше бы еды да выпивки купили. Он не знал, что хорошего в учебе, но втайне завидовал тем, кто умел писать. Мечтал выучить пару иероглифов, чтобы послать брату письмо и позвать домой.

Теперь, когда брат забрал его, он чувствовал себя жадиной, думая об учебе.

- Конечно, а что? - удивился Цзян Мяо.

Неужели малыш учиться не хотел?

- Учеба дорого стоит, - пробормотал Сяо Шитоу. - Куда дороже, чем меня купили!

- Не переживай, - рассмеялся Цзян Мяо. - Ты ж со мной деньги зарабатывал в прошлый раз! И

эти дни персики помогал лепить. Столько наскребли! Боишься, на школу не хватит?

Десяток лянов серебра лежал под кирпичами кровати, а медяки - в кувшине.

- Это брату на жену! - возразил Сяо Шитоу.

- Ха, брат твой еще молод, - отмахнулся Цзян Мяо. - Спешить с женитьбой некуда. Вырастешь - тогда и женюсь.

- Но... - начал Сяо Шитоу.

В деревне парни возраста брата уже женились.

- Хватит, - перебил Цзян Мяо. - Иди ешь. Я твою любимую свинину пожарил.

Он не хотел слушать про женитьбу от младшего и заткнул его едой.

- Ачэ, что у тебя там? - Хань Цинь сидел на перилах беседки, глянул вниз и заметил в руках Пэй Чэ свиток или картину.

Он спрыгнул и потянулся схватить.

Пэй Чэ ловко увернулся, спрятав полотно за спину.

- Не показывай никому! - подмигнул Хань Цинь, сверкнув персиковыми глазами. - Неужто... портрет красотки нарисовал?

Он явно вообразил что-то пикантное.

- Тьфу! - фыркнул мужчина в темных одеждах с другой стороны перил.

- Эй, Су Цзинь, что это значит? - Хань Цинь гневно зыркнул на него.

- Кто, кроме тебя, весь день о красотках трещит? - отмахнулся Су Цзинь. - Подумай хоть раз, разве Пэй Чэ такое нарисует?

Он глянул на Хэ Чэня, что сидел на скамье в беседке, и тот подхватил:

- Вы ничего не смыслите, - заявил Хань Цинь. - Это зависть, что красотки меня любят. Не опускаюсь до вашего уровня.

Видя, как они сговорились против него, он сменил тему:

- Ачэ, что ты там нарисовал?

- Смотри и узнаешь, - сказал Пэй Чэ, подошел к каменному столу, развернул свиток. - Гляньте, чем эта картина отличается от прежних?

В голосе его сквозило ожидание. Друзья детства уловили это и, заинтригованные, столпились вокруг, разглядывая полотно.

На картине был снежный день: хлопья мягко падали с неба, вдали белела заснеженная гора, а на ней раскинулись сливовые деревья с алыми цветами. Среди льда и снега они дышали жизнью, вызывая восхищенные возгласы.

Но чем же эта работа отличалась от прежних? Не пейзажем же. Хань Цинь и Су Цзинь всматривались, но различий не находили.

Из четверки Хэ Чэнь лучше всех разобрался в живописи. Долго разглядывал и ткнул пальцем:

- Ачэ, вот оно, да?

Он указал под сливовые деревья, где снег казался реже, чем везде. Сквозь него проступали тени деревьев, будто свет их подсветил, делая сливы ярче, словно они выступали из картины.

- Неплохо! - Пэй Чэ одобрительно глянул на него.

Легкая гордость в его тоне всех оживила.

- О чем вы? - Хань Цинь округлил свои персиковые глаза. - Я ничего не вижу!

Хэ Чэнь объяснил, и он ахнул:

- Ачэ, здорово! Не зря ты дома сидел. Новую штуку освоил!

- Не сам освоил, - сказал Пэй Чэ. - Меня направили.

- Кто такой умный? - подколот Хань Цинь. - Тот художник, что для тебя рисовал? Как его звали?

Пэй Чэ зыркнул на него.

- Его зовут Цзян Сяогэ, - сказал он. - Не мастер какой-то.

Цзян Сяогэ?

Троица замолкла. Что за чудное имя?

<http://bllate.org/book/17917/1716272>